

Александр Каломирос

ОГНЕННАЯ РЕКА

Свято-Симеоновское издательство

СПб / Бостон

1992

Переиздание данной книги или частей ее недопустимо без письменного
разрешения издателя.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ибо никогда не было у нас перед вами ни слов ласкательства, как вы знаете, ни видов корысти: Бог свидетель! Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других.“

(I Фес. 2 : 5,6)

Можно найти некое общее для двух точек зрения слово, обозначающее оба этих взгляда.
Но общий взгляд на один и тот же вопрос для двух противоположных взглядов невозможен . . . Нет места для компромисса в вопросах Веры Православной.“

(Св. Марк Ефесский)

Воистину, как говорит святой апостол Павел, “великая благочестия тайна“.¹ Благочестие и вера, будучи таинствами, приносят плоды, которые не может дать знание.

Автор этой книги не является богословом, обученным в школах, где изучают неизучаемое — богословие. Он изучал медицину, нечто поддающееся изучению, поскольку это предмет земного, человеческого знания. Он подчерпнул свою Православную Веру и благочестие из Традиции. Он получил это путем, как он сам говорит, передачи веры и благочестия — от учителя к ученику, от родителя к чаду, от старца к последователю, от христианина к христианину. Потому он есть тот, кто, ведомый верою, а не знанием, испытует божественное, а не изучает его. Как говорит апостол Павел, он ходит верою, а не видением.² И вот почему его книга резкая. В ней нет ни компромиссов, обнаруживающих слабую веру, ни приспособляемости, имеющих целью избежать неприятного впечатления на людей с противоположными взглядами, нет какого-либо ложного братания. Преданность истине не терпит уступок. Книга его резкая и прямая, хотя сам автор, в действительности, человек смиренный, миролюбивый, кроткий, скромный и очень любезный. Но вера вручает ему меч Духа, и этот смиренный, чуткий и снисходительный человек, полный любви, становится прямым и резким. Не кажется ли и св. Иоанн Богослов, проповедник любви, резче и бескомпромисснее всех остальных апостолов и проповедников Евангелия, каким он предстает в Первом Послании и в Книге Откровения?

¹ I Тим. 3 : 16.

² II Ко. 5 : 7.

Автор книги молод. Но “никто да не пренебрегает юностью его”.³ Наше духовное знакомство произошло, когда он изучал в Швейцарии медицину, а мы публиковали журнал “Киботос” (Ковчег). Он написал мне тогда письмо по поводу некоторых злобных статей одного католика в газете “Курьер” и просил нас защитить нашу Православную Веру от уловок еретиков. В дальнейшем, а он писал и по сей день пишет мне много, письма его всегда были очень содержательны и полезны, и исполнены сладкого аромата глубокой веры и любви к нашей святой Традиции. Поэтому я настойчиво уговаривал его написать более развернуто на те темы, которые он кратко освещал в своих письмах. И я, зная его скромность, просил его согласиться опубликовать это в виде книги. Наконец, он согласился, и эта небольшая книжка есть первая, посланная им издателю, господину Александру Пападимитриу, который с удовольствием предложил опубликовать ее.

Мы понимаем, что эту книгу, написанную с разумением во всем,⁴ осудят многие, как грубую и невыдержанную, поскольку в наш век лицемерия только те почитаются истинными христианами, кто не имеет в сердцах своих огня веры и, особенно, Православной (то есть истинной) веры. И вот почему они равнодушны, бездуховны, готовые на компромисс и услужливы, как большинство тех, кто постоянно занимается богословием. Мир научился рассматривать таких людей как хороших и терпеливых христиан, тогда как он ненавидит таких, как автор этой книги — что духом пламенеют⁵ — как фанатичных, нетерпимых, суеверных и узкомыслящих поклонников пустых форм. Увы! Сегодняшние богословы превратились в совопросников века сего.⁶ Люди, связанные с религией пишут горы книг, больших и важных, исполненных так — называемого “богословского знания”, которое, владея собственным методом исследования религиозных вопросов, является ничем иным, как мирским знанием, которое апостол Павел называет “пустым и хитрым обольщением”.⁷ Святое Евангелие, являясь самой простотой, препарируется, изучается и расчленяется согласно философским системам и “пустому обольщению.” Запутанность, усложненность, сбивающие с толку теории, “глупые состязания и родословии, и споры о законе”⁸ грязь, помрачающая чистую воду, текущую в жизнь вечную; все эти вещи написаны во имя Того, Кто пришел в этот мир спасти заблудшую овцу — человека пустого знания — от бремени его греховного сознания, восклицая: “Придите ко мне все обремененные глупой и бесцельной мудростью.” Горы бумаги исписаны во имя Христа и Его Евангелия, которое есть простейший опыт сердца, в то время как те, кто пишет эти бесчисленные книги, плутали в лабиринте и во тьме своей собственной мудрости, вдали от Христа, Которого они забыли, поглощенные суетою своих собственных умов. Сердца их перестали чувствовать дыхание Божие. Они умертвлены и засушены своею собственной самодовольной мудростью, за которую и почитает их свет.

Божественно-языкий апостол Павел имел ввиду их, когда писал: “Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; И от истины отвратят слух и обратятся к басням” (II Тим. 4 : 3,4). “Будут избирать себе учителей” — выдвинут многих учителей, и, слушая их, они будут удовлетворены, потому что их пустая мудрость будет льстить их слуху. Но оттого, что они не могут расслышать истины, простой истины религии, они заткнут свои уши, желая слушать сказки — теории и фантазии, лишённые смысла. Так и сегодня, разве мы не видим подобные “избрания” учителей, которые своей болтовней льстят слуху студентов и других христиан?

Таким образом, книга Каломироса огорчит те умы, которые низвели религию Христа до системы мирского знания, рационализма, которые отвергают и насмеваются над любым здравым учением, являющимся для них лишь наивным религиозным взглядом, исполненным

³ I Тим. 4 : 12.

⁴ II Тим. 2 : 7

⁵ Рим. 12 : 11.

⁶ I Ко . 1 : 20.

⁷ Кол. 2 : 8; Ефес. 4 : 14.

⁸ Тит. 3-9.,

предрассудков традиции. На самом деле, что вообще может написать для них человек, подобный Каломиросу, который никогда не принадлежал какой-либо солидной школе (особенно заграничной)?

Но, к счастью, Каломирос пил из источника воды живой, текущего в жизнь вечную, из Традиции, и изучал Отцов день и ночь. И имея веру, как и его путеводители, он был научен Богом.⁹ Христос говорит: “И когда вы-ведет своих овец, идет перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его” (Иоан. 10 : 4). То есть: “Мои ученики слушают слова Мои в простоте духа и принимают их в свои сердца, не пропуская их через свои запутанные интеллекты и не создавая теорий; они принимают их с верою, как невинная овечка, что слышит голос пастыря и бежит за ним.” Вера открывает уста тех, кто верует, и проповедь Его раскрывает сердца христиан, как Сам Христос и говорит: “Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой” (Иоан. 7 : 38).

Те, от безумной мудрости,¹⁰ кто учат в “убедительных словах человеческой мудрости”,¹¹ не принимают истинных проповедников Евангелия, и это потому, что истинные проповедники не сообразуются с веком сим, но преобразованы обновлением своего ума (Рим. 12 : 2).

Они, однако, найдут в этой книге множество поводов для осуждения. Они осудят автора за отсутствие лицемерной вежливости по отношению к еретикам, не смотря на тот факт, что автор не дерзок, но обладает храбростью воина Христова и следует словам апостола Павла, который говорил: “Ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви, и целомудрия” (II Тим. 1 : 7).

Еще одну вину они найдут в том, что его изложение изобилует скорбьями во Христе, радостнотворным плачем;¹² тогда как сами они оптимистичны и помышляют о предметах мира сего. Но посмотрите, что говорит апостол Павел: “Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть” (II Кор. 7:10). Скорбь человека верующего в Бога есть скорбь сладкая надеждою, и вот почему это скорбь радостная, радостнотворный плач, через покаяние приносящий спасение человеческой душе.

Я хвалю этого блаженного молодого человека,* написавшего столь назидательную книгу, книгу, что веет духом истинного Православия. И я славлю и восхваляю всечестное имя Господа, Который дарует Церкви Православной подобные украшения, сияющие во тьме ошибок и разрушений. Да прославлен и благословен всемилостливый Господь и Бог наш, создавший непоколебимой Веру Православную из тех камней, что “отвергли строители”.

Фотиос Контоглу.

*Я прошу читателя позволить мне привести здесь несколько строк из письма г-на Каломироса ко мне, которые, я думаю, необходимо прочесть.

“Я очень благодарен Вам за Ваши добрые слова. Это для меня большая поддержка, в которой я столь нуждаюсь. Там, где я живу, я не знаю никого, кто бы разделял мои мысли и понимал меня. Я не вступаю в споры с атеистами и теми, кто безразличен. И потом, верующие смотрят на меня с подозрением и недоверием. Лишь когда я читаю Отцов и жития Святых, я нахожу утешение. Иногда мне кажется, что я ошибаюсь. Что бы ни считал я важным, остальные считают пустяшным; и опять, что бы я ни считал пустяшным, остальные — как верующие, так и безбожники — считают важным.

⁹ I Фес. 4 : 9.

¹⁰ I Ко . 3 : 19.,

¹¹ I Ко . 2 : 4.

¹² Св. Иоанн, “Лествица”, слово 7.

“Кроме того, я благодарен Вам за предостережение меня от высокомерия. В этом я вижу, что Вы — истинный друг. Молитесь, дабы мне не впасть в высокомерие. Какбы то ни было, я должен быть очень глуп, если нечто подобное случится со мной. Я прекрасно понимаю, что все, написанное мною, я заимствовал у Отцов. Ничего моего собственного. Вот почему я защищаю их со столь великим рвением. Вчера я рассказывал своей жене, что многие понятия не имеют о рассматриваемых мною предметах, но живут ими. А я знаю все эти предметы, но не живу ими. Вот почему много раз, когда я писал, я чувствовал, что должен бросить, но продолжал писать, потому что таким образом, по крайней мере, я мог сосредоточить свои мысли на Боге, даже если сердце мое оставалось замерзшим.

С любовью во Христе,

Александр.”

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МИР БЕЗ ИСТИНЫ

Трагический опыт последних поколений принес человечеству усиленную жажду мира. Мир теперь ценится значительно выше, чем многие идеалы, за которые люди когда-то с радостью проливали свою кровь. Причиной тому во многом является тот факт, что война теперь не есть то, чем она зачастую была в прошлом, т. е. столкновением справедливости с несправедливостью, но превратилась в бессмысленное противоборство несправедливостей. Опыт лжи и лицемерия, который несправедливость различных партий использовала, дабы в глазах своих последователей казаться справедливостью, привел к потере людьми веры в существование справедливости и возможности найти что-либо стоящее защищать. Такая война, в любой форме, предстает полным абсурдом.

Это нежелание частью человечества любых конфликтов было бы замечательным, если бы оно являлось плодом духовного здоровья. Если бы несправедливость, ненависть и ложь перестали существовать, тогда мир явился бы осуществлением человеческого счастья. Единение стало бы естественным, а не искусственным результатом. Но наблюдается нечто совершенно противоположное. Теперь, когда кто-либо говорит о мире и единении, самолюбие и ненависть, несправедливость и ложь, амбиции и алчность пребывают в своем зените. Все — каждый на свой лад — говорят о любви к человеку, о любви к человечеству. Но не было еще большего лицемерия, чем эта, так-называемая, любовь. Потому что любовь к чему-то теоретическому, к чему-то воображаемому, такому понятию как “человечество”, является в равной степени чем-то теоретическим и воображаемым. Она не имеет никакой связи с любовью к конкретному человеку, что рядом с нами. Любовь к конкретному лицу, если она существует, есть единственная реальная любовь. Это — любовь к *ближнему*, о которой просил Христос.

Этот конкретный человек с его несовершенством и слабостями, вместо того, чтобы быть любимым, ненавидим в наше время более, чем в какой-либо другой век. И он не только ненавидим, но презрен и унижен; к нему отнеслись как к “вещи”, не имеющей какой-либо значимой ценности, средству для достижения “высоких целей”, принадлежности толпе. Те, кто более всего говорят о любви к человеку и человечеству, о мире и единении, есть как раз те, кто более всего ненавидят своего ближнего. Они любят человека — создание собственного воображения; они не любят человека — реальностью. Это поклонение идолу “человек” в действительности есть нарциссизм.¹³ Это есть поклонение эго.

Было бы наивным, однако, верить, что миротворческое настроение, характеризующее сегодня человечество, проистекает от любви. Эти слова о любви — лицемерие и обман. Желание мира происходит от утраты идеалов, от стаха и от любви к удобствам. Это — желание пребывать в мире для наслаждения прелестями мира сего. Это — обычное сотрудничество с целью приобретения благ, которые каждый по отдельности не смог бы приобрести. Это — универсальное осмысление того, что стало страстью целого мира чувственности и привязанности к вещам. Это есть продукт необходимости.

Мир, о котором все говорят, есть безоговорочная капитуляция всего доброго, священного и великого и преобладание мелочности, посредственности и равнодушия. Это — стирание индивидуальной личности человека и народов. Это — компот из компромиссов и расчетов, море лицемерия, безразличие к истине, предательство всего священного и святого.

Война — ужасная вещь, результат человеческого падения, и никто не должен восторгаться ей. Но мир, за который идет торговля, есть нечто бесконечно более страшное. Жар — очень неприятная вещь, но он, по крайней мере, показывает, что организм реагирует на какую-то болезнь, проникшую в него. Мир, который они хотят принести, не есть, к несчастью, тот, что

¹³¹³ Самолюбование (Прим. ред.).

приходит с победой над злом, но тот, что приходит с поражением. Это есть отсутствие жара у трупа.

Наконец, мир, который люди преследуют, не есть лишь мир орудий. Это — мир совести. Они хотят примирить добро со злом, праведность с неправедностью, добродетель с грехом, истину с ложью, дабы обрести мир со своею совестью.

РАЗДЕЛЕНИЯ НЕ БЫЛО

Так-называемые христиане играют заметную роль в глобальных мирных инициативах. С лозунгом “Христиане, объединяйтесь”, они направляются на базар, где будет распродаваться истина.

Некогда у христиан была Вера, и они готовы были умирать за Веру свою. Сегодня же их ревность к истине охладела. Они стали считать ее чем-то второстепенным. Они находят, что различия между церквями, за которые в былые времена мученики самоотверженно приносили себя в жертву, Отцы ссылались и верные избивались, пустяжны и не стоят внимания.

Большинство людей этих безнадежно и болезненно сентиментальны и думают, что религия Христа есть некая этическая система в сфере человеческих отношений. Другие преследуют политические цели и темные интересы. Но все вместе они строят город антихриста. Они ищут союза, будучи безразличными к истине; они ищут сближения, игнорируя вечные разногласия; они ищут буквы, забыв о духе.

Как могут они надеяться, что неудавшееся в первые века раскола, осуществится теперь, когда различия в догматах и в мышлении за столетия превратились из трещин в пропасти?

Сам факт того, что они говорят о союзе церквей, показывает, что их намерение вполне антихристианское. Тем самым они допускают, что Единая Святая, Соборная и Апостольская Церковь, которую мы исповедуем в нашем Символе Веры, больше не существует, что она разделилась на множество уже несоборных церквей, т. е. необладающих уже всей истиной и благодатью, коими обладают поместные православные церкви, но содержат большие или меньшие части благодати и истины. Следовательно, они считают, что истина больше не присутствует на земле, и что Христос пришел тщетно. Из-за этого смешения истины с ложью, стало невозможным снова открыть истину, о которой пришел свидетельствовать Христос. Равно невозможно вновь открыть Христа, Который Сам есть Истина.

Но тогда почему Христос говорит, что Он будет с нами до конца мира? “Я с вами во все дни до скончания века.”¹⁴ Почему Он сказал, что Дух Святой будет вести христиан в полноте истины, и что врата адовы не одолеют Церковь.

Если Церковь была разделена (если она нуждается в соединении, это значит, что она разделена), тогда все, как Христос и обещал, *обратились ко лжи!* Но не дай Бог такое богохульство! Церковь живет и будет жить до скончания мира, неделимая и неуязвимая, по обещанию Господа. Все, говорящие о “союзе церквей”, просто отрицают Христа и Его Церковь.

Когда Православный патриарх допускает участие Православной Церкви в протестанском Мировом Совете Церквей как одной среди многих “церквей”, то что он делает, кроме того, что публично исповедует, на подобие протестантов, существование множества церквей и, таким образом, деление Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви? Что он делает кроме отрицания Христа?

¹⁴ Матф. 28:20 (ред.)

Но в своих нечестивых стараниях эти люди выдвигают церковные литургийные тексты и Самого Христа в качестве своих союзников. В самом деле, Христос молился за Своих учеников, “чтобы они были едино”¹⁵ и Церковь молится за каждой литургией “о соединении всех.”¹⁶

Но эти фразы не означают, что Церковь молится о том, чтобы христиане, наконец, объединились, идя на взаимные компромиссы в вопросах веры. Здесь нет ссылки на поиски компромиссных соглашений, с помощью которых объединены по разному названные элементы. Слова эти не имеют никакого отношения к протоколам об объединении, или соглашении, или союзе, как это имеет место между различными странами, когда после многочисленных переговоров подписываются соглашения. Нет, фразы эти не означают чего-либо в этом роде. Церковь не молится Богу о соединении различных противных друг другу частей, но о том, что все должны стать Одним. Другими словами, Церковь молится о том, что все мы должны принять истину с великим и искренним раскаянием и смиренно пасть ниц перед Церковью и причислится к членам ее; чтобы мы пришли к осознанию тех ошибок, в которых мы жили, и устремились бы к свету и истине, т. е. к Церкви. Об этом молится Церковь. Именно так она молится на литургии св. Василия Великого

“Расточенныя собери, прельщенныя обрати, и совокупи Святей Твоей Соборней и Апостольстей Церкви.” Лишь такая молитва и такое желание проистекают от чистой любви, которая ищет исцеления больных, а не введения их в заблуждение.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ, А НЕ ОБСУЖДЕНИЕ

Некоторые наивные православные думают, что такое сближение церквей имеет целью не объединение, но просвещение и представительство среди инославных. “Это, — говорят они, — проявление любви к братьям нашим.” “Если мы затворимся в нашей оболочке, — можно часто услышать от них, — если мы не будем принимать участия в международных конференциях и не посылать наблюдателей на папские синоды и т.д., тогда как же Запад узнает Православну. Церковь, и как его можно будет привлечь к ней?”

Но можно ли научить Запад тому, что Православная Церковь есть единая и истинная, если они видят, что она сообщается с “церквями” ложными как равная с равными? Не подумают ли они, что и православие, так же как и другие религии, относительно и неполно? Или кто-то еще надеется, что эти советы фанатиков в беретах и ряженных пасторов когда-нибудь будут в состоянии распознать истину? Они расхваливают православие лишь для того, чтобы перетянуть его на свою сторону. Если бы у них была чистая ностальгия узнать православие, им бы не нужны были советы и конференции. Они бы пришли и испили от ее родников, от ее Отцов и Святых ее.

Нет! Лучший способ склонить других к истине это — верить в нее самому; не спорить о ней, а лишь исповедывать ее. Советы и конференции ставят истину на обсуждение. Но это — предательство, потому что на практике это выглядит не как диалог с еретиками с целью увещевания их, но как дискуссия “церквей”. Христос не призывает к дискуссиям, но к исповеданию. Истина, которую Он преподает нам, не есть предмет спора. На всевозможных

¹⁵ Иоан. 17:11

¹⁶ “Всех” не относится здесь к “церквей”. *Патрон* по гречески — прилагательное мужского рода и, следовательно, относится ко “всем верным.” Если бы “всех” относилось к “церквей”, тогда бы вместо *патрон* стояло бы прилагательное *пасон*. И контекст подтверждает, что “всех” относится к верным, поскольку непосредственно следует за “о благостоянии святых Божиих церквей”, т. е. поместных церквей, где бы они ни были, но образу щих Едину. Святу, Соборну и Апостольску Церковь. “Церквей” здесь вовсе не означает, как многие лодно пыта тся объяснить, различные вероисповедания вне Православия. Итак, полностью в прошении молятся “о благостоянии святых (местных Православных) Божиих церквей, и соединении всех (верных через причастие во Христе), Господу помолимся.” (Прим. ред.)

экуменических конференциях обсуждения напоминают торг, на котором для достижения заключительного соглашения взаимно расплачиваются компромиссами в вопросах веры. При таких условиях даже простое присутствие Православного на экуменической конференции есть предательство Христа. Предание Христа за тридцать серебрянников, потому что своим участием Православный признает Веру свою спорной и допускает представление, что он тоже пойдет на компромиссы, если ему предложат подходящую сделку.

Если вместо этого, все те, кто говорят сегодня о союзе церквей, исповедовали бы Православие как единственную и абсолютную истину и отказались бы от всяких официальных и неофициальных церковных связей с еретиками, не боясь назвать их этим именем, тогда голос их был бы слышан много дальше; и что еще важнее, его бы уважали, и он пробуждал бы мысль. Тогда как сейчас голос их есть голос компромиссов, голос, который никого не задает, голос, на который всем глубоко наплевать.

Отцы не вступали в дискуссии с еретиками. Они исповедывали истину и опровергали их притязания, не осторожничая и без комплиментов. Они никогда не достигали взаимного понимания с еретическими “церквями”. Их диалог всегда был открытым и имел целью спасение и назидание душ. Православная Церковь никогда не поддерживала отношения с “церквями” еретиков. Это не было спором Церкви с “церквями”, но диалогом между Церковью и сбившимися со своего пути душами. Церковь не обсуждает, потому что она не ищет. Она просто дает, потому что она имеет все.

СПАСЕНИЕ ОТ МИРА СЕГО

Но почему же наши христиане так легко поддаются проповедям о соединении церквей? И вместо того, чтобы быть исполненными ревности несения истины в этот мир, которому ее так не достает, они сосут карамельку под названием “мир”, взвешивая, чего на их взгляд больше вещей, которые разъединяют или тех, что объединяют христиан. Это — потому, что им самим не достает знания истины. Большинству из них, являющемуся членами социал-христианских организаций и братств, с раннего детства был преподан катехизис этико-философской системы с внешним, показным христианством, которое привело их к вере в то, что цель христианства в достижении мирного сосуществования людей в духе любви. Вечность же и видение Бога для этих христиан есть вещи весьма отвлеченные и зачастую неинтересные. Большинство из них, будучи экстрове́ртами, являются людьми действия, которые пришли к христианству, чтобы найти организованный и направленный *модус вивенди*, образ жизни хорошими и честными гражданами на этой земле. Для таких людей Бог есть Великий Раб их личных интересов, а вечная жизнь есть хорошая, но, к счастью, отдаленная надежда на возрождение.

Проповеди о единении очень легко пускают корни в душах таких христиан. На самом деле, как хорошо бы было, если бы круг наших честных и добродетельных людей расширился бы до всемирного масштаба. Мы могли бы вести дела без страха возможности быть одураченными; мы смогли бы иметь хорошие и мирные отношения без опасности преследований и без необходимости борьбы. А на счет истины — “Что есть истина?” — Мы все верим в Христа, и этого достаточно. Кроме того, мир сегодня переживает трудные времена. Христиане должны быстро объединиться перед лицом опасности коммунизма, например. Они спрашивают

“Кто выведет и кто спасет этот сегодняшний мир?” Сами и отвечают

“Только единая, объединенная христианская Церковь.”

Но Христос вочеловечился не для того, чтобы спасти этот мир, что лежит во зле. Напротив, Он пришел спасти Своих от мира, вырвать их из рядов лукавого, присоединить их к Себе и обоготворить их благодатью, и с ними спасти всю *стенающую тварь*. Мир идет путем

смерти. Он следует за правителем мира сего, врагом Божиим. *“Я о них молю, не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне”* (Иоан. 17:9).

Но люди эти принимают сторону мира сего и отдают сокровища веры и жизни Христианской приносят в жертву чину дьявольскому, который никогда не спасется. Не Христос призывает к так-называемому союзу церквей, но мир. Христос не просит соединять истину с ложью; но мы сами ищем подмены истины, дабы соделать ее относительной и неполной. Вот почему, когда встает вопрос о соединении церквей, видно, что его с энтузиазмом поддерживают те, кто никогда прежде не интересовался вопросами религии. Объединение есть лучший способ нейтрализовать Христианство, придуманный ратью дьявольской. Это — начало разрушения христианства и подмены его прихотями политиков; это — преобразование Христианства в служение интересам мира сего.

Посредством объединения Христианство может достичь большей власти в мире, но оно лишится своей духовной силы, а она то и не дает миру покоя. Не произошло ли это уже с римско-католической “Церковью”? Жажда папистов мировой власти заставила их спуститься на избитый путь политических махинаций, на котором они проявили себя инструментами большой политики.

Все те, кто говорят об объединении, не поняли, зачем Христос пришел в мир. Они думают, что Он пришел проповедывать искусственное этическое учение на подобие их собственного; что Он пришел учить нас, как нам стать добрыми гражданами мира сего. Они повторяют опять и опять, что люди должны следовать закону Христа, дабы Царство Божие могло наконец прийти на землю. Некоторые говорят о “Христианской Греции”, другие — о “Христианской демократии”, третьи — о “Христианских царствах”, и никто из них не может понять, как их ожидания походят на ожидания иудеев, которые ждали Мессию — царя земного.

Им не нужен Христос таким, каким Он есть. Они не хотят Христа, Который в пустыне отказался подчиниться искушениям дьявольским. Им нужен Христос, Который подчинится им. Им нужен Христос, Который желает царств земных; Христос, Который превратит камни в хлеб, дабы люди смогли насытятся; Христос, Который потрясет мир чудесами, что вдохнут благоговеиный страх и вынудят людей покориться.

Другими словами, эти люди ждут не Христа, но антихриста. До Второго Пришествия Христос будет оставаться смиренным и невидимым, далеким от сил земных и мирских удобств, никого не принуждая следовать за Ним, а лишь призывая тех, которые пришли к Нему, походить на Него в неприметности и смирении и не ожидать ничего земного.

“Христиане”, которые говорят о “Божьем народе”, “Христианской Греции”, “мировом Христианстве” и “союзе церквей”, не хотят такого Христа. Как Великий Инквизитор Достоевского, они готовы бросить Христа в огонь, потому что Он разрушает их планы, которые они настойчиво насаждали многие годы. “Ты пришел и учишь нас Христианству, которое бесчеловечно и трудно, — говорит Инквизитор Христу, — мы же трудились многие столетия, чтобы наконец создать человеческую религию. И лишь сейчас, когда мы преуспели, ты пришел расстроить наши много-вековые усилия? Но тебе это не удастся. Завтра я прикажу им сжечь тебя как еретика.”

Да, люди хотят Христа, Который будет рассказывать об этой жизни, но не той, Христа, Который предложит удовольствия жизни этой, но не будущей. Им не нужно богатство, которое невозможно взвесить и потрогать, им нужно богатство осязаемое, здесь и сейчас. Им не нужен Христос — властелин века будущего, но настоящего.

Вот почему им безразлично, что станет с истиной, когда в результате тысячи и одного компромисса все эти колеблющиеся и так называемые христианские церкви объединятся. Вот отчего им неинтересно, во что превратится жизнь во Христе в результате вторжения на чистую почву Православия множества религиозных варваров и духовных олухов. Не интересуется их ни

истина, ни Христос, ни жизнь в Духе и благодати. Их интерес — лишь земная власть, которую приносит объединение, и управление миром под единым всемирным мировоззрением.

Эти люди претендуют называться христианами, не являясь Христианами в действительности. Большинство их считает себя истинными Христианами, потому что они не знают, что такое христианство и запутывают его философскими и, используя их любимое выражение, “мировыми теориями”. В действительности же, они — последователи антихриста, как иудеи времен Христа и как иудеи всех времен.

Иудеи ожидали Мессию веками, и когда Он пришел, они не приняли Его; вместо этого, они повесили Его на кресте. И почему? Потому что Христос был не тем, Кого они ожидали. Вот почему они были не в состоянии распознать в Его лице Мессию. Они ждали царя земного, завоевателя мира. Они ожидали того, кто подмял бы все племена мира под пяту народа Израиля, кто бы заставил Римских правителей мира поклониться и служить тому, кто бы дал власть и славу последователям его.

Когда же они увидели Его нищего и смиренного, кроткого и исполненного мира, Того, Который не предлагал земных благ, но говорил о вещах небесных, и более того, призывал отрицаться земного и материального, дабы освобожденными достичь небесного и нематериального, они осознали, что Он был не для них. Он не был Мессией, которого они ожидали, но совершенно противоположным тому. Он, Который отказался превратить камни в хлеба, дабы все насытились, Который отказался поразить толпы силою Своею и не согласился покорить царства земные, не мог быть подходящим вождем для них. Вот почему они распяли Его и стали ожидать другого. И они попрежнему ждут его. И вместе с иудеями миллионы людей ждут своего Мессию, и большинство их называется христианами. Но они и не подозревают, что ждут того же Мессию, что и иудеи.

АНТИХРИСТ

Трагедия состоит в том, что Мессия, которого ждут иудеи, придет. Сказано это устами Христа и устами апостолов; это записано в книгах Нового Завета. Мессия иудеев придет. Он даст не только хлеб, который Христос отказался дать, но и все материальные блага, которые Господь отказался дать тоже. Он потрясет их знаменами и чудесами, которые ошеломят и устрашат людей во всех концах земли, и они, пресмыкаясь, падут ниц к ногам его. Он объединит все племена и народы и царства земные в одно государство. Он исполнит сердца книжников законом и фарисеев радостью — сердце каждого племени “иудейского”. Да, Мессия иудеев придет. Он будет тем, что не есть Христос, и он не будет тем, что Христос есть. Он будет антихристом.

“Дети! последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист...” (Иоан. 2:18)

“Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться от духа, ни от слова, ни от послания, как-бы нами (посланного), будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак, ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха и сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так-что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь, — и тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего, того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякую силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие

пошлет им Бог действие заблуждения, так-что они будут верить лжи, да будут осуждены все не веровавшие истине, но возлюбившие неправду” (Фесс. 2 1-12).

Антихрист не появится в истории таким устрашающим и всесотрясающим чудовищем, каким все бы узнали его, и дела его вовсе не будут аморальны. Придет он так, что лишь немногие опознают его. Он придет после многих веков приготовлений, что берут начало от первых дней Церкви, и которые продолжают, усиленно нарастая, и в наши дни. Человечество же увидит в его лице своего благодетеля.

Многие века отступничества взрастили человечество и приготовили его к принятию антихриста. Человечество ждет его как своего идеального вождя. Все историческое развитие ведет к антихристу.

ТАЙНА БЕЗЗАКОНИЯ

Католицизм позволил духу мира сего расцвести в Христианстве Запада. Он утопил мысль христианскую в рационализме и языческом умозрении античной Греции. И наконец, католицизм, с его непогрешимостью папы, привнес механический элемент в отношения между человеком и Богом, уча, что Бог обещал говорить устами грешных и высокомерных людей, какими и бы многие папы. Ренессанс и гуманизм явились поворотом Западно-Христианского мира к идолопоклонству. В действительности они были проявлением разочарования людей в испорченном Христианстве. Гуманизм, проповедуемый, к несчастью, даже так-называемыми христианами в виде “эллино-христианской цивилизации”, стал сегодня религией века.

Протестантизм довел папистский рационализм до его крайних заключений. Протестантизм отверг святость Церкви и ее водительство Духом Святым, потому что он не видел в Западной “церкви” ни святости, ни истины. Так, он упразднил Традицию и лишил своих верующих критерия истины и лжи, навсегда изгоняя из сферы своей благодать Божию.

От протестантизма до атеизма и материализма было уже рукой подать. Философии различного толка начали претендовать на место веры христианской в умах людей, и, в конце-концов, поклонение науке покорило мир. У науки была особая сила побеждать толпу, потому что достижения ее в области технологии вызывали удивление и восторг масс, которые, при недостатке духовного критерия, стали легкой добычей материализма. Затем наука дала человечеству ложное чувство знания. Она могла бесконечно менять свои взгляды и теории, но каждый раз эти взгляды и теории обладали святостью доказанного знания; и она магическим образом влияла на умы людей.

В результате, когда человечество, спустившись по этим ступеням, было поработано страстью материализма, на арену выступил коммунизм. Когда же люди пришли к вере, что единственно истинное добро есть деньги, естественным стало потребовать от властей, безразличных к боли обнищавших людей, их равного распределения. Это требование наполнило души ненавистью и злобой и соделало их еще более несчастными, разверзая непреодолимые пропасти между людьми и приводя многих к Каиновой ненависти. (Написанное здесь вовсе не означает, что честное распределение не является обязанностью правительства, причем, основополагающей). От этой ненависти и началась война капитализма с коммунизмом, которые по существу являются системами-сестрами, одинаково поклоняющимися материи и деньгам и разделенными лишь своими собственными интересами и борьбой вокруг распределения благ. Программа обеих систем — превратить камни в хлеба, объединить мир под своим влиянием и ошеломить его достижениями, которые человек не мог себе раньше и представить. Таким образом, человечество постепенно достигло врат царства антихриста. Человечество подошло к той точке, когда оно имеет не только желание, но также и возможность положительно ответить на три искушения люцифера. И всего-то, что останется сделать самому антихристу для захвата руководства всемирным государством, это — покончить навсегда с

голодом и нищетой и обеспечить изобилие материальных благ, дабы в сердцах людей, исполненных удовольствия и комфорта, не нашлось бы более места для Бога.

СОЮЗ РЕЛИГИЙ

Видя все это, приходишь к осознанию того, что в человечестве, ничем более не озабоченном, кроме своего собственного спокойствия, которое не содержит ничего священного или святого, но лишь свои материальные интересы, что в мире прогматических людей, которые рассматривает любые дискуссии относительно истины как бесполезную болтовню, соединение церквей представляется не только делом нетрудным, но, напротив, даже неизбежным. Более того, я полагаю, что не только соединение так-называемых церквей неизбежно, но и соединение всех религий вообще.

В царстве своем антихрист не допустит разногласий; он не потерпит религий и перебранок по религиозным вопросам. Он, как Бог, воссядет в храме Божием, и все люди земли, будут поклоняться ему, потому что *“дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни”* (Откр. 13 7—8). Тогда для этих людей, *“чьи имена не написаны в книге жизни”*, будет существовать одна религия, религия антихриста.

Уже и сейчас есть образчики религий готовых оценить и признать все существующие вероисповедания, это — предтечи религии антихриста. Одна из таких религий — Свободное Массонство. Оно уже охвачено наиболее прогрессивными мировыми лидерами. Со своим синкретизмом¹⁷ оно способно примирить в умах дураков все религиозные противоречия человечества и преодолеть все барьеры и трудности на пути к союзу, которые встретят различные церкви. В самом деле, в чем причина приложения столь больших усилий для нахождения приемлемых разрешений догматических и прочих противоречий между различными Христианскими вероисповеданиями, а в дальнейшем и между различными религиями, как не в продвижении прямо к союзу религий? К некому виду Свободного Массонства?

И понимая это, большинство сегодняшних религиозных лидеров, по крайней мере, самых “великих” и самых “важных”, поспешили (будучи прогрессивными) стать массонами, что не мешает им носить рясы или облачения, или служить свои литургии. Ведь поскольку миряне еще не вполне готовы, необходимо придерживаться старых форм и продвигаться сначала к соединению церквей, а затем и к соединению религий.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Все это — события не столь отдаленного будущего. Вот почему Господь спрашивает, найдет ли Он верных, когда придет на землю опять. *“Но Сын Человеческий придет найдет ли веру на земле?”* (Лук. 18 8).

Взгляд в прошлое научит нас правильному пониманию курса дел церковных, который предпринимался в прошлом и который последует в будущем.

Первые попытки византийских императоров по соединению с папским заблуждением, к счастью, были пресечены отношением народа и покорением Византии турками. Но как только греческий народ обрел национальную свободу, старое искушение опять постучалось в дверь. В начале верующие греки, люди народа и традиций, противились процессу европезации. Но они были безграмотными, и хотя они проливали свою кровь за свободу своей страны, их быстро

¹⁷ Смешение различных философских и религиозных систем. (Прим. ред.)>

отпихнули в сторону новоявленные граматеи, которые, наряду с самомнением, порожденным полужананием, имели власть двора короля Отто.¹⁸ “Это привело к деградации отечества и религии, которая расширяется сейчас нерелигиозными. Во время турецкой оккупации ни один камень старых церквей не был потревожен. Но эти обманщики соединились в своих интересах с прогневшими фанариотами¹⁹ и им подобными прогневшими в Европе, и они испортили наши монастыри и церкви, осквернив одни и превратив в конюшни другие. Мы испытываем это от многих подобных священников и мирян, военных и политиков. Не смотря на то, что мы проливали нашу кровь, мы в опасности потерять землю отцов наших и нашу веру” (Макриянис, Воспоминания, стр. 398).

Эти интеллектуалы-самоучки глумились над греческим народом со страстностью фельетонистов пятых полос. Они презирали их язык, их обычаи и манеры, их образ мышления. Они использовали все имеющиеся в своем распоряжении возможности, дабы исказить истину их Веры и привить мирской дух и рационализм к святому древу Православия, которое многие столетия варварского господства оставалось неоскверненным. Дабы поразить Церковь в самое сердце, они ударили по монастырям ее. Одни монастыри закрыли, конфисковали собственность других, а в третии послали “прогрессивных” игуменов, которые разрушали их быстрее, чем обоюдоострый меч государства.

Без монастырей своих, и со своими поработченными государством епископами, Церковь превратилась в виноградник без ограды. Народное образование ушло из рук Церкви и попало в руки гуманистического государства, которое со своим притворством относительно эллино-христианской цивилизации, было и остается совершенно языческим. Все начало подстраиваться ко вкусу *nouveau riche*²⁰ и провинциального афинского общества.

Церковное служение начало выражаться в нечто более мирское. Византийская музыка стала европеизироваться и деградировать в четырехчастную оперную гармонию. В глазах дам из “высшего” общества иконы стали выглядеть слишком строгими и уродливыми. Дамы желали “сладких Иисусов”, исполненных снисхождения к их беззакониям, неспособных вызывать страх и благоговение. Бороды и длинные волосы духовенства стали мешать им, и священнослужители, в ответ на запрос современного общества, начали холить себя. Смирненную и освященную маленькую свечку, с ее атмосферой покаяния, заменили на лампы Эдисона, делая церковь похожей на величественную залу подходящую для свадебных торжеств и официальных церемоний правящих верхов.

Но это было еще не все. Не только начальное, среднее, но так же и высшее образование ушло из рук Церкви. Так, богословы, будущие священники и иерархи уже не выходили из лона своей природной матери, Церкви, но из лона государственного университета, полного зловония рационализма и духовного обмельчания, лишённые какой-либо возможности соприкоснуться таинственной жизни святости во Христе, которая одна лишь и созидает истинных богословов. И, как плевелы, в Церкви проросли богословы, умы которых были забиты многими философскими теориями протестанского или римского происхождения, но в сердцах которых не было жизни православия.

Люди эти были неспособны видеть той бездны, что разделяет Церковь Восточную с Западными “Церквями.” Они считали это лишь вопросом догматических формулировок, а не вопросом сущности жизни. Жизнь во Христе для них была серией эмоциональных состояний и этических действий, совсем такой, какой она виделась на Западе. Откровение (внутреннее видение) Бога, живой опыт присутствия Христа и обитование Святого Духа, то есть вселение истины в сердце человеческое, было неведомо им. Когда они говорят об истине, они имеют

¹⁸ Отто — лтеранен и немец по происхождению, первый король Греции после получения страной независимости в 1821 г. (Прим. ред.)

¹⁹ Фанарион — район в Константинополе (Истамбуле), где живет верхушка греческой патриархии. (Прим. ред.)

²⁰ *Новые богатые* (франц.), т.е. новоиспеченные богатые самодовольные гордецы.

ввиду нарезанную и засушенную догму. Догма для них, однако, как и для Западных, была отдельным миром интеллектуальных формул, достаточно обременительных, и чью значимость, после разрыва между жизнью и Верой, они были неспособны оценить.

Как видим, основания, на которых даже наши благонамеренные богословы собирались строить защиту своего православия, были внутренне прогнившими. Становится страшно, когда понимаешь, что вся современная греческая религиозная жизнь построена на этом прогнившем основании. В свое время благочестие народа происходило из монастырей, которые являлись духовным оплотом и путеводителем. В королевстве греческом появилось благочестие, основание которому положили богослов, мирянин и клирик, описанные нами выше. Этот богослов, подражающий Западным примерам, организовал братства и Христианские союзы и взял дело проповеди и катехизации в свои руки. И тогда как раньше местное благочестие имело своим центром монастырь и церковных священников, и Христианин местности А никак не отличался от Христианина местности В, поскольку оба они были чадами одной и той же Православной Церкви, теперь же богослов организовал фракции; и сегодня в одной и той же местности есть Христиане фракции А и Христиане фракции В, всегда соперничающие и недоверяющие друг другу, разделенные, но непонимающие того, в чем состоят их разногласия. Но не смотря на ненависть и раздоры между ними, в отношении Западных фракции эти согласны с тем, что “существует на много больше того, что объединяет нас, чем того, что нас разъединяет,” и “мы должны смотреть на то, что объединяет нас, и обходить то, что разделяет.” Другими словами, им видится союз и любовь с Западными “братьями” (которых они никогда не видели и не знали) много легче, чем со своими соотечественниками и соседями, которых они видят ежедневно и которых знают. Как мы сказали, сегодняшние люди трудятся ради любви к человеку, некой абстрактной любви к человечеству, в то же самое время будучи неспособными любить лижного своего.

ВОПРОС СТАРОГО КАЛЕНДАРЯ

В атмосфере вырождения, в результате давления государства неожиданно последовал первый официальный шаг греческой церкви к папе — принятие папского календаря.

К несчастью, очень немногие поняли значение вопроса “старого календаря,” как этот вопрос называют. Большинство относят сопротивление старостильников к узости мышления людей необразованных. Это является еще одним признаком глубокого призрания, которое самодовольные образованные питали к *неученым*. Но дабы противостоять так, как они это делали, эти необразованные люди должны были иметь религиозную ревность (а что они еще имели!?) и духовную озабоченность столь редкую среди безразличных к истине масс, которые, не зная истинной природы проблемы, последовали за большинством иерархии. Ни один из просвещенных богословов и их последователей не проявил какого-либо признака боли по поводу разделения Греческой Церкви, ни один из них не искал ответа на те больные вопли, с которыми взывали тысячи верующих. На их стороне было большинство. Эта многочисленность всегда придавала им чувство безопасности. На самом же деле, они даже и не имели большинства на своей стороне. Потому что, хотя и насчитывалось лишь несколько тысяч старостильников, по сравнению с миллионами последователей нового календаря, эти немногие тысячи были тысячами верующих, страждущих за Церковь, тогда как среди миллионов безразличных, материалистов и атеистов, последователей нового календаря, вряд ли можно было насчитать несколько тысяч истинно верующих людей. Они лишь глумились над этими безхитростными новыми исповедниками православия, упрекая их в том, что те отказываются отбросить суеверие и исправить свой неточный календарь.

Но проблема заключалась не в этом. Они неоправданно обвиняли старостильников в войне за календарь. Вопрос был не в том, который из двух календарей точен. Известно, что оба

они неточны. Ни старостильники не настаивали на старом календаре, ни новостильники не выдвигали новый календарь по причине астрономической точности. Причина, вызвавшая решение представить в Греции новый календарь, не была ни астрономической, ни богословской. Просто здесь имела место одна из многих капитуляций поробашенной государством иерархии своему господину, который просил этого от них для упрощения своих деловых предприятий.

Причина отказа старостильников подчиниться была очень даже богословской и происходила от глубоко церковного сознания. На самом деле, литургийное единство Церкви ставилось под угрозу в угоду политическим интересам. С изменением календаря последовало разрушение литургийного согласия между греческой церковью и другими православными церквями, которые сохраняют старый стиль до наших дней. И это не было лишь вопросом несозвучия в литургийной жизни Церкви воинствующей; неразрывность литургийной жизни Церкви воинствующей и Церкви торжествующей была также разрушена.

Когда в Греции колокола созывают верующих в церкви на празднование Рождества Христова, а певчие радостно воспевают *“Христос рождается, славите”*, миллионы наших Православных братьев остального мира и на Святой Горе еще соблюдают предрождественский пост; они не слышат колоколов и не поют с нами радостные рождественские песни.

Можно ли представить себе что-либо худшее для Церкви, чем такое нарушение литургийной гармонии, которое духовно отдалило нас не только от других православных, но и от всех православных бывших прежде нас, от торжествующей Церкви тех, кто упокоился во Христе и от Святых, праздновавших и служивших литургию согласно старому календарю, который мы отвергли?

Сколько усилий наших Отцов, сколько соборов потребывалось, чтобы установить праздничный календарь — и все это для того, чтобы между Христианскими церквями была литургийная гармония, потому что эта гармония и согласие выражают внутреннее литургийное единство Церкви. Это — то, что делает Церковь зримо единой, не смотря на существование множества поместных церквей. Церковь соделана единой не так, как думает Папа — жесткой дисциплиной и послушанием предписанной иерархии во главе с одним лицом, которое объявляет себя наместником Христа на земле. Церковь создана единой таинством причастия Телу и Крови Христовых. Каждая церковь, где служит Святая Евхаристия и где верующие собраны *“в одном месте”*, вмещает весь образ Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Что соделывает различные приходы членами одного тела, и что объединяет в одном теле различные епархии? — Таинство причастия всех Телу и Крови Христовых в Святом Духе и истине.

Единство Церкви, однако, есть некий мистический обруч, выкованный во время Святой Евхаристии, когда верующие причащаются Тела и Крови Христовых. Христиане есть одно тело — тех, кто сегодня живет на земле и тех, которые жили прежде нас в веках минувших, а также тех, кому еще предстоит жить в веке будущем; и это потому, что у нас один корень — тело Христово. *“Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба.”*²¹

Единство Церкви, однако, не есть ни административное, ни дисциплинарное ни организационное, но литургийное. Вот почему праздничный календарь столь важен. Единство, проистекающее из Святой Евхаристии, единой Веры и единого Крещения, перестает проявляться внешне, когда имеет место литургийная анархия. Форма и слова литургии предназначены для того, чтобы все церкви могли совершать богослужение одинакого. И служебная книга на каждый месяц (Минтя) содержит ежедневные гимны поминания Святых дня и распевы на каждый святой день. Таким образом, нет нестроения и разрушения литургийной гармонии. Даже музыка и иконография, которых называют литургийными искусствами, создаются так, что ни иконописец и ни певчий не могут писать икону или петь, согласно своему собственному

²¹ Кор. 10:17.

воображению, но вынуждены приспособлять свое ремесло и способности к законам строжайшего духовного реализма. И точно также, календарь праздников писался так, чтобы ни один священник не мог бы праздновать святые дни, по своему усмотрению, но так, чтобы пребывала вся полнота молитвенного общения всех верующих на земле.

Однако, что делает художник, когда пишет церковные иконы по своему собственному вкусу, презирая Традицию, и что делает певчий, когда растраивает литургийную гармонию в церкви пением оперным, вместо того, чтобы псалмопеть. Греческие иерархи творят нечто подобное, портя литургийную гармонию. Православной Церкви решением следовать в Греции другому календарю праздников, чем тому, которому следуют остальные православные церкви и Святая Гора Афон. Так, на Святой Горе празднуются другие Святые и поются другие гимны, чем в Фессалониках; Преображение Господа празднуется в Афинах в один день, а в Иерусалиме, на Синае и в Москве в другой.

Из-за географической удаленности трудно в этой стране (Греции) постигнуть трагедию дисгармонии. Но как больно воспринимать, когда приезжаешь в Европу и видишь, как по соседству, в одном городе русские празднуют один праздник, а греки — другой, или когда приходится слышать колокола греческой церкви, призывающие верующих, в то время как колокола церкви русской безмолствуют. Тогда спрашиваешь себя — а православные ли обе эти церкви?

В Греции еще не осознали, на сколько серьезен компромисс с элементами мира сего и на сколько серьезным ударом, нанесенным Церкви, явилось упразднение старого календаря в угоду новому. И даже если кто-то и понял это, у них не хватило смелости встать во весь рост и возгласить истину. Ни один из мудрых и сильных мира сего не нашел слов протеста. В результате еще раз было явлено, что *“неможное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное”, и что “Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых,”*²². потому что там, где мудрые молчали и приняли новшество, необразованные верующие пробудились. И они *“не говорили немудрое, как неразумные мудрецы мира сего.”* Они не подстраивались под астрономические теории и математические расчеты, но выступали во имя Традиции, которая, как они осознавали, была чем-то святым, чего нельзя попираť в угоду науке, постоянно отрицающей свои собственные теории, или в угоду политическим и экономическим интересам страны.

Но *“последователи мудрых мира сего считают научаемых Богом неразумными.”* Так, с самого начала и до сего дня они считают старостильников дураками, религиозными фанатиками, суеверными и т. п., и они радуются своему собственному знанию, которое ставит их выше таких “пустяков”, так, что они не делают “из мухи слона”.

РАСПОЛЗАНИЕ

Но когда считаете какой-либо элемент Традиции неважным, тогда вы при первой же возможности посчитаете неважными любые другие вещи, которые вам не нравятся в Традиции. Именно это произошло с иконографией; именно это случилось с церковным пением; именно это произошло с внешним видом священников. Рясы для них теперь кажутся слишком черными; скоро волосы и бороды покажутся слишком длинными.²³ Они хотят ввести в церкви музыкальные инструменты. Они выкидывают пристенные церковные лавки и заменяют их комфортабельными партерными рядами. Они поносят монашество, на монахов клеветают, конфискуют имущество монастырей, ведут против монашества постоянную пропаганду. Они незамечают каноны, запрещающие совместные молитвы с еретиками; они принимают участие в их конференциях и молятся с ними. Они не обращают внимания на мнение народа при выборе

²² Кор. 1:27

²³ Уже давно кажутся! Посмотрите даже на большинство т. н. старостильных клириков.

епископов и священников. Они сокращают литургию и выкидывают куски из служб, “чтобы люди не устали.” Другими словами, они изменили православные обряды согласно вкусам пришедшего в упадок общества, исполненного поклонения материализму и плоти.

Полотно Традиции, таким образом, начинает расползаться, и никому не известно, когда этот процесс остановится и остановится ли он вообще. И кроме того, это расползание сегодня происходит с такой легкостью, потому что оно получило одобрение мира сего, одобрение со стороны влиятельных и со стороны образованных. Особенно образованные считают честью для себя не соглашаться с Отцами Церкви, но соглашаться в то же самое время с каким-нибудь великими ученым профессором протестанского богословия или с каким-нибудь знаменитым в Европе иезуитским профессором, и т. п.

В таком случае, как Православной Традиции и Вере не оязычиться? И как нам, при таких обстоятельствах, не обсуждать вопроса соединения церквей и не считать, что это так легко осуществимо? Разве трудно “Православной” церкви, которая приобрела тот же образ мышления и те же склонности, что и “церкви” Западные, соединиться с ними? Разве далек тот день, когда, придя в церковь в воскресенье, услышим как священник провозглашает

“и за нашего Отца и Папу Римского”? Кто-нибудь отреагирует, если такое случится? Или не кажется ли всем это столь естественным, что мы, наконец, перескачили через те различия, что разделяют Восток и Запад?

БОГ ПОРУГАЕМ НЕ БЫВАЕТ

Но пусть все те, кто с такой легкостью говорят о соединении церквей, поймут, что единение Церкви есть таинственный дар божественного присутствия. Это есть не то, что решается на конференциях, но то, что либо существует, либо не существует. Никакое человеческое решение не может принудить Бога.

Конечно, внешне соединение может состояться, и все могут заявить — протестанты, католики и православные — что мы наконец есть единая церковь, и мы можем почитать Папу Римского, и Папа Римский может почитать Патриарха Константинопольского. Если мы все согласны на единую “минимальную истину,” на единый упрощенный символ веры, и если некоторые другие вопросы улажены, союз возможен. Это будет законная и внешне основательная система, но это будет система, не имеющая никакого отношения к Церкви Христовой, даже если все ее внешнее устройство будет напоминать Церковь. “*Бог поруган не бывает.*”²⁴ Когда в людях не существует условий для Его присутствия, Бог к людям не приходит.

Церковь Христова никогда не была системой человеческой. Церковь рождена, а не сотворенна. В результате диссуссий люди могут создать нечто, чему они могут присвоить имя “Церковь.” Но эта фабрикация будет чем-то безжизненным. Живая Церковь не будет иметь никакого отношения к ней. Она будет существовать где-то вдали от этих фабрикаций, неизменная, исполненная истины и света, чистая ото лжи всяческих компомиссов, со Святым Духом, освещающим ступени ее и покрывающим ее подобно солнечному свету, ведя ее “*к полноте истины.*”

А то, как много останется истинных христиан, не имеет значения, даже если их можно будет перечислить на пальцах одной руки. Они останутся носителями Традиции, которой они не просто учились, но которой жили, приобретая свой живой опыт. Христиане живут в Традиции, как в родной стихии, как рыба в воде.

Давайте же все, кто истинно верит в Бога, прекратим говорить о соединении “церквей.” Церковь не признает объединения, потому что она никогда не распадалась. Люди оставляют ее,

²⁴ Гал. 6:7.

даже если они сохраняют многие ее внешние признаки. Давайте же все, кто любит Бога, возвратимся к Церкви и смиримся, дабы нам войти, потому что врата ее узки и нужно очень низко пригнуться, чтобы пройти.

НЕПОГРЕШИМЫЙ КРИТЕРИЙ

Но в хаосе и лицемерии современного мира не легко распознать Христовой Церкви и приблизиться к ней, потому что недостаточно для Церкви называться Православной для того, чтобы являться таковой в действительности. К несчастью, отступничество существует даже под Православным подрясником и под Православными куполами, и среди людей, практикующих Православие. И это совсем не новость. Церковь была знакома с этим с самых первых своих шагов, но сейчас отступничество достигло невиданных размеров.

Мы должны научиться распознавать за внешним Церковь. Что касается внешнего, то в Православной Церкви сегодня и внешне преобладают путаница и хаос. Каждый — образованный или необразованный, верующий или неверующий — имеет свой собственный взгляд на то, что есть Христианство или Православие и фанатично этот взгляд защищает. И в этой буре невозможно найти свой курс, не имея компаса. Существует единственный непогрешимый критерий — продолжение Традиции. Где бы Традиция ни была сохранена живой и чистой, без искажения и изменения со времен Апостолов, покуда все верующие — епископы, священники или миряне — живут и передают эту Традицию, присутствует Церковь Православная, и члены ее составляют Тело Христово. Все же другие, священники или миряне, которые хотят называться Православными, не следуя живой вековой Традиции, есть самозванцы; они — плевелы на поле Христовом.

Сегодня множество плевел, а колосьев совсем немного. Но поле это есть поле Божие, и не смотря на всевозможные сорняки, пшеница остается той же самой из поколения в поколение, от семени к семени, той же, что и первая пшеница, что насажена была Духом Святым на том же божественном поле в день Пятидесятницы.

Живая Традиция не была разрушена, потому что сами уста Христовы обещали Церкви, что *“врата адовы не одолеют ее;”* а Божии уста не лгут. Те, кто ведут исследования, пытаясь найти Традицию Христианской Церкви первых веков или столетий до раскола, дабы следовать ей, признают, что они потеряли продолжение Традиции. Но им не удалось найти ее, как бы ни активизировали они своих исследований, потому что Традиция есть нечто живое и передающееся как жизнь от живого к живому. Она не является чем-то, что открывается в ходе научных исследований, как она и не есть то, что познается интеллектуально.

СКРЫТАЯ, НО ЖИВАЯ

Те миллионы плевел, что произрастали в лоне Православной Церкви за последнее время, привнесли с собой мирской дух, так что никакая Православная Церковь не смогла сохранить свои внешние черты неизменными. Даже старостильники, которые держались столь хорошей линии в вопросе календаря, в случае иконографии, принесли чистый позор предательства Традиции. Этот факт является общим грехом всех Православных церквей последнего времени.

К счастью, до сих пор все отклонения от Традиции, которые мы описали, не отрезали Православные церкви от их корня.²⁵ Дерево остается живым и цветущим, не смотря на все

²⁵ Сейчас, по прошествии 30-ти лет, когда Православная Церковь уже провозгласила анафему ереси экуменизма, мы уже не вправе считать большинство церквей Православными (т.е. истинными) (прим. ред.).

украшения, которые были добавлены к нему. Православные церкви не увяли, как это случилось с “церквями” запада. Если вы лишь отрясите пыль, которую дух мирской посыпал их, вы обнаружите свежие листья подлинной Традиции. Традиция никогда не прекращалась и не теряла силы своей в сфере Православия. По-прежнему еще есть монахи, живущие в православной иночестве. По-прежнему еще есть настоящие богословы, которые не осквернили истины, но содержат ее светлой и чистой, далекие от всех чуждых смешений. По-прежнему звучит еще византийский распев и есть еще истинные хранители Традиции Православной иконографии. По-прежнему есть еще священники, как в старые времена, преданные своей священной должности, чья постоянная связь с Богом не дает им мучиться по поводу своих длинных бород и черных ряс, но, напротив того, делает предметы эти излучающими святость. По-прежнему еще есть простые люди, которые устаиваются зреть великие чудеса.²⁶

Посему, истинная Традиция — жизнь, духовный опыт, учение Апостолов и Святых Отцов всех веков, эти следы хождения Духа Святого в сердцах христиан — существует и продолжает жить среди живущих, непрерывная со времен Апостолов. Существует постоянная гармония в любых действиях Православных всех веков вплоть до наших дней, писанная и неписанная; и это — золотое правило, по которому нужно сверять свои мысли и дела, дабы зреть, внутри ты или вне сферы Православия. Внешние признаки могут давать впечатление, что приемственность была искажена или прервана; но если посмотришь немного глубже, то увидишь, что Традиция по-прежнему цветет и по-прежнему оживляет тех, кто ищет ее.

Традиция существует и будет существовать до конца мира сего. Но с каждым прошедшим днем найти ее становится все труднее и труднее. Каждый прошедший день добавляет новые украшения на древо Православия, и, таким образом, люди запутываются и не знают, где лежит истина.

КОВЧЕГ

Когда-нибудь, раньше или позже, никто не знает точно когда, “церкви” и религии соединятся. В этом хаосе лжи даже избранные окажутся в опасности сбиться со своего пути. Время это будет веком антихриста.

Как и когда придет антихрист, никто не может сказать. И неизвестно, сколь многие смогут узнать его, когда он придет, потому что он явится благодетелем человечества. На сей день определенно можно сказать об одном

все эти движения в народах и церквях к союзу, все эти компромиссы, все это единообразие человечества, постепенно создаваемое паровым катком технологической культуры, все это вымасчивает дорогу для прихода антихриста.

Это развитие человечества, согласно критерия мира сего, просто замечательно. Но согласно критерия Христианского, это — разрушительное развитие.

Но это не удивляет и не пугает Христиан. Они знают, что сам по себе мир проклят. И поэтому Христос отказался молиться о мире сем. “Я молю не о всем мире.”²⁷ Властелин мира сего есть дьявол, и “он был человекоубийца от начала.”²⁸

Смерть застигнет мир на вершине славы, на вершине самомнения, на самом верху башни Вавилонской, когда человек будет в зените своей очень старой попытки своими собственными

²⁶ См. “Великое знамение” Фотиоса Контотлу, изданное на греческом в издв “Астир,” где описаны удивительные события в Митилене, когда совсем недавно явили свои жития и мощи свв. Рафаил, Николай и многие другие мученики XV века.

²⁷ Иоан. 17:9.

²⁸ Иоан. 8:44.

силами стать богом, от Бога в стороне. Когда придет Сын Человеческий, Он найдет человека исполненным славы своего сатанинского безумия.

Бог не просит христиан спасать мир. Любая предпринятая частью христиан попытка изменить курс мировой истории была бы тщетной и нелепой. Мир — это тонущий корабль, и он тонет, потому что сама его конструкция гнилая. Бог не просит христиан спасать корабль, но просит спасать как можно больше жертв кораблекрушения.

Новый Ковчег Ноев, Церковь Христова, плывет мимо места кораблекрушения. Все, кто желают быть вытащенными из воды, должны искать убежища в ней. Но чтобы обрести убежище, им надо пожертвовать миром, не столь географически, сколь по существу. *“И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому, и Я приму вас”*²⁹

Но вот здесь то и начинаются трудности. Как вы можете отказаться от мира, когда вы всю свою жизнь повязаны с ним? Но целью настоящей книги не является ответить на этот вопрос. Можно найти ответ в Святом Писании и Отцах. С другой стороны, вся жизнь во Христе есть борьба за свободу от мира, от “Египта” страстей, и за убежище на Ковчеге Церкви.

Но когда приблизится век антихриста, даже Ковчег Церкви будет трудно распознать. Многие скажут “Смотрите, здесь Христос,” — или, — “Христос здесь,” но они будут ложными пророками. Что бы ни признавалось официально за Церковь, мало-помалу уже предавшую сокровище Веры, она уподобится неописуемому, объединяющему все месиву, которое своим сатанинской хитростью сохранит большинство внешних признаков Церкви. Здесь и там маленькие группы из верующих со священником по-прежнему будут сохранять истинную живую Традицию.

Но кто сможет распознать Церковь Христову в этих малых, потрепанных группах верующих, которых столь не хватает всему этому мирскому величию? Между тем, в последнее время Единая Святая, Соборная и Апостольская Церковь будет представлена лишь этими забытыми и внешне разрозненными небольшими приходами, существование которых может быть даже неведомым другим, но которые будут соединены между собой незримыми узами Тела и Крови Господа, в Духе Святом, с единою Верою и Традицией, которых они сохранят незапятнанными.

В те дни даже избранные окажутся в опасности быть сбитыми с пути. Нужно много смелости, чтобы принять сторону горстки и пойти против течения, с опасностью быть осмеянными “деловыми” и быть оскорбленными сильными мира сего. Нужно много мудрости, чтобы разглядеть истину именно там, где весь мир видит бессмыслицу и тупость. Кроме того, приверженцы лжи будут иметь на своей стороне чудо, о котором дьявол просил Христа в пустыне, чудеса и знамения лжепророков и лжехристов. *“Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных”* (Матв. 24:24). Многие ли смогут найти свой путь, когда все маяки будут вести не туда? Тогда, *“претерпевший же до конца, спасется.”*³⁰

МАСКИ

Сегодня же пусть все, кто хочет жить подле Христа, поспешат приобрести рассуждение, дабы наперед распознать лжепророков и лжехристов. И пусть они облачатся в доспехи Веры, так, чтобы они смогли сокрушить всех этих лжецов и их последователей.

²⁹ (Кор. 6:17).

³⁰ Матф. 10:22.

Потому что наш век — век лукавый, где ложь замаскирована, а яд подается в сахарной пудре, где дороги полны сетей и умело скрытых ям. Кто введен в заблуждение внешним, тот пропал.

Мы должны научиться распознать Церковь в мире, ибо судьба Церкви — это одно, а судьба мира — это совсем другое. Мы должны быть также полны недоверия к миру, как мы исполнены верою в Церковь, также питать ненависть к миру (не к людям, но к миру), как мы питаем любовь к Церкви, также быть полными пессимизма о мире сем, как мы исполнены оптимизма о Церкви.

Мир — это временное пристанище, настроение умов, это намерения тех, кто отверг жертву Божию, кто повернулся своими спинами, когда Он хотел говорить к ним, кто отделил сам себя от Бога навсегда. Люди эти предпочли жизни смерть. Они не наказаны, как не наказаны и бесы, потому что никто не желает им никакого вреда. По своему собственному согласию они выбрали смерть, по своему собственному выбору они стали врагами Божьими и сами встали в стороне от Бога.

Выбор делается в жизни, независимый от моментов и времени, в глубине нашего сердца, и он безвозвратен. Свобода разделяет одухотворенные существа на два лагеря. Есть два типа людей, как есть и два типа ангелов друзья Божии и Божии враги.

Свобода заключается не в отдельных действиях, но в общей направленности и предрасположенности человека, в окончательном положительном или отрицательном ответе на зов Божий. Свобода заключается в общей направленности человеческой жизни, а не в деталях этой жизни.

Детали обманчивы; они делают фарисеев и книжников кажущимися друзьями Бога, а вора, блудницу, мытаря, и Савла (Павла) кажущимися врагами Его.

Мы должны под масками лицемерия и немощи уметь распознавать истинных врагов и истинных друзей Божиих.

Мы живем в век, когда маски лицемерия преумножились и достигли невиданной степени совершенства. От одного момента времени к другому мы находимся в опасности быть обманутыми людьми, которые, в то время как они носят маску друзей Божиих, в действительности являются Его врагами.

Таковы те, которые говорят о соединении церквей. Они — опаснейшие враги Церкви, евангельские лжепророки.

Враги, предстающие без масок, — атеисты, материалисты, коммунисты — не могут никого одурачить. Они, убивающие тело, не могут убить душу. Но другие — “Православные” патриархи, епископы и архиепископы, лидеры христианских организаций, богословы и профессора-теологи — все, кто с лицемерной Христианской любовью обращаются к нашим “братьям” еретикам и вещают о единении, все эти носители масок не есть тело убивающие, но определенно есть убивающие душу. Вот почему битва с ними должна быть безжалостной.

(Продолжение следует)